

*Ю. А. Лысенко***К вопросу о налоговой политике Российской империи
в отношении казахского общества****Yu. A. Lysenko***On the Issue of the Russian Empire Fiscal Policy
in the Kazakh Society**

Впервые в историографии проводится анализ системы налогообложения казахов в сравнении с фискальными системами других этносоциальных обществ Российской империи. В результате исследования установлено, что на протяжении XIX в. проблема оптимизации процедуры учета казахского кочевого населения, определения размера кибиточной подати и земских сборов, их распределения между фискальными единицами и бесперебойного поступления в государственную казну неоднократно становилась предметом пристального внимания центральных и региональных органов власти. При этом налоговая система рассматривалась как один из механизмов интеграции кочевников в российскую социально-экономическую и правовую структуру. Однако созданная модель налогообложения казахского общества значительно отличалась от общеимперской и имела достаточно либеральный характер. Размеры установленных налогов ставили казахов, как и других «инородцев» империи, в привилегированное положение по сравнению с русским крестьянством, к которому в социально-правовом плане их пытались приравнять. Все это позволяет по-новому оценить степень эффективности налоговой системы как интегрального механизма в имперское пространство.

Ключевые слова: Россия, казахи, империя, интеграция, налоги, сборы.

DOI 10.14258/izvasu(2013)4.2-35

Проблема создания и эволюции налоговой системы, созданной в Казахстане в период его вхождения в состав Российской империи, не получила в исторической литературе детального анализа. Исследователи советского периода, поставленные в жесткие рамки марксистско-ленинской методологии, рассматривали ее в контексте усиления колониальной эксплуатации казахского народа, вынужденного, таким образом, вставать на борьбу с самодержавием в союзе с русским населением региона. Поэтому в советской историографии лишь констатировался факт увеличения

In the article for the first time in the historiography the author analyzes tax system of the Kazakhs in comparison with the fiscal systems of other ethnic and social communities of the Russian Empire. The study found out that during the 19th century the issue of the Kazakh nomadic population registration procedure improvement, determination of the size of the so-called 'kibitochny (nomad tent) tax' and 'zemsy dues', their distribution between fiscal units and uninterrupted delivery to the state treasury, repeatedly became the subject of attention of federal and regional authorities. Thus the tax system was considered one of the ways to integrate the nomads into the Russian social, economic and legal structure. However, taxation system existing in Kazakh community was considerably different from the imperial one and rather liberal. The amount of the taxes put the Kazakhs, as well as other members of national minorities of the Russian Empire, in a privileged position compared with the Russian peasantry, that the minorities had to be equal to in social and legal rights. All this allows to re-evaluate the effectiveness of tax system as a mechanism of integration into the imperial space.

Key words: Russia, the Kazakhs, the Empire, integration, taxes, fees.

количества налогов и их размеров, выплачиваемых скотоводами в государственную казну на протяжении XIX — начала XX в. [1–3]. Императив усиления колониального гнета, «осуществления процесса экономического закабаления казахского народа» в анализе налоговой системы Казахстана имперского периода стал характерным и для современной казахстанской исторической науки [4, 5].

Следует отметить, что налогообложение казахского этноса рассматривалось на основе источников нормативно-правового характера: уставов об орен-

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект 12-01-00281 «Политика России в Центрально-Азиатских национальных окраинах (Степной край и Туркестанское генерал-губернаторство) в XIX – начале XX в.»; проект РГНФ №12-31-09012 «Центрально-Азиатский регион в системе внешних отношений России и Китая: история и современность».

бургских и сибирских киргизах 1822 и 1824 гг., Временных положений об управлении степными областями Казахстана и Туркестанским краем. При этом во внимание фактически не принимался значительный пласт источников, отложившихся в региональных и центральных архивах Российской Федерации и Республики Казахстан. Среди них прежде всего следует назвать документы делопроизводственного характера: отчеты региональных органов власти (военных губернаторов областей, генерал-губернаторов), материалы ревизионных обследований Степного и Туркестанского генерал-губернаторств. Данная группа материалов позволяет существенно дополнить представления по системе налогообложения Казахстана, выявить эволюцию взглядов правящей российской элиты, позиции центральных и региональных органов власти на данную проблему, реконструировать существовавшие вариативные схемы взимания налогов с казахского населения с учетом их экономического благосостояния, практиковавшиеся в степи.

Немаловажно также подчеркнуть, что представленный в историографии обзор налогообложения казахского народа рассматривался вне сравнения с фискальной политикой, проводимой в отношении других этносоциальных групп российского общества. Вместе с тем анализ этих материалов и сопоставление их с ситуацией, имевшей место в Казахстане, может значительно скорректировать представления о степени эксплуатации казахско-скотоводов.

На наш взгляд, важной методологической посылкой исследования данной проблемы должно стать ее рассмотрение в контексте анализа политики России, проводимой в отношении населения национальных окраин империи в целом. Зародившаяся в начале XIX в. концепция интеграции нерусских народов в общеимперское политико-правовое и социально-экономическое пространство нашла свое окончательное воплощение в пореформенный период. Именно тогда была проведена серия реформ, унифицировавшая систему административно-территориального устройства и управления, судебную и налоговую системы в районах проживания инородческого населения. Она также позволила посредством распространения светского образования и политики русификации создать благоприятные условия для вертикальной социальной мобильности народов России. Процесс включения казахов в орбиту российской фискальной системы, таким образом, должен рассматриваться как один из механизмов реализации интегральных устремлений государства.

Кроме этого, необходимо понимать, что логика российского империостроительства буржуазного периода, безусловно, предполагала уравнивание в правах и обязанностях всех граждан государства. Поэтому введение налоговой системы, сначала в виде натуральных выплат, а позднее и в денежном эквиваленте,

в казахской степи необходимо рассматривать не только в контексте усиления эксплуатации ее населения, но и как важную посылку формирования у него представления о принадлежности к новому юридическому статусу — гражданам Российской империи.

Как известно, впервые казахское население стало выплачивать налог в пользу российской казны после введения в 1822 г. Устава о сибирских киргизах. По нему кочевников Среднего жуза обязали выплачивать натуральный налог со скота (1 голова со 100 голов). Параллельно государство преступило к глобальной модернизации традиционной политической и социально-экономической системы жуза, ликвидировав ханскую власть и проведя серию реформ. Во избежание глубоких социальных потрясений и протестных движений российские власти ввели льготный период налогообложения: в течение пяти лет после открытия округов — новых административно-территориальных единиц — на территории жуза их население освобождалось от выплат в пользу государства.

В 1824 г. начал функционировать первый из них — Каркаралинский, в 1826 г. — Баян-Аульский, 1831 г. — Аягузский, 1832 г. — Акмолинский, Кокчетавский, 1833 г. — Уч-Булакский, 1834 г. — Аман-Карагайский округа, последний Алатавский — в 1854 г. Таким образом, можно говорить о поэтапном включении «сибирских казахов» в сферу российского налогообложения. Аналогичная ситуация имела место и в Младшем жузе. Здесь налоговый сбор с населения был введен в 1837 г. и составил 1,5 руб. с кибитки. В этом же году налог в размере 23259, 67 руб. выплатили 25 тыс. кибиток. В 1844 г. эти цифры составили 87873,03 руб. и 59 тыс. кибиток [6, л. 45–47]. Кроме кибиточного сбора по Уставу о сибирских киргизах 1822 г. и Положению об управлении казахами Оренбургского ведомства 1844 г. предполагались сборы в пользу казны в виде добровольных пожертвований. Однако их размеры и количество казахов, вовлеченных в данную систему, по архивным данным установить сложно.

Несмотря на предпринятые правительством меры, направленные на предотвращение социальной дестабилизации в связи с проведением налоговой реформы, избежать ее не удалось. Во-первых, низкий уровень развития товарно-денежных отношений в степи затруднял выплату налога в денежном эквиваленте казахами Младшего жуза. Поэтому он собирался вариативно как деньгами, так и в натуральном виде: 1,5 руб. равнялись стоимости одного барана. Во-вторых, налоговой реформой не предусматривалось создания соответствующих фискальных органов. Весь сбор налогов был отдан на откуп чиновникам системы местного самоуправления: султанам-правителям, аульным и дистаночным начальникам в Младшем, волостным правителям — в Среднем жузе. Бесконтрольность со стороны российских органов власти за их деятельностью порождала вопиющие злоупотребления в про-

цессе сбора налогов. В-третьих, размер налога не являлся прогрессивно-подоходным: как малоимущий, так и зажиточный скотовод выплачивали одинаковый по сумме налог, что вызывало недовольство казахского населения¹. И, наконец, в четвертых. Пожалуй, самой большой проблемой для Оренбургской и Сибирской пограничных комиссий² было преодоление отчуждения казахов в вопросе сбора налога. Необходимо было привести кочевников к пониманию законности и правомерности взимания с них выплат в пользу «белого царя», а не бывшей степной политической элиты.

Региональным органам власти потребовался не один десяток лет, чтобы преломить данную ситуацию. Для решения проблемы задействовались различные механизмы, в том числе создание режима льготного налогообложения аристократической верхушки казахского общества. Так, например, в мае 1831 г. Сибирский комитет принял положение «О порядке взимания ясака с сибирских киргизов в Каркаралинском и Аягузском округах». По нему от выплаты налога освобождалась степная элита: султаны, бии и казахи, занимающие административные должности в местных органах власти [7, с. 390–392].

Несовершенство налоговой системы в отношении казахского населения стало предметом обсуждения Степной комиссии, созданной в 60-е гг. XIX в. для разработки проекта об управлении Степным и Туркестанским краями. В принятии окончательного решения по данному вопросу комиссия исходила из целого ряда принципиальных позиций.

Во-первых, несмотря на значительные злоупотребления аульных и волостных правителей при сборе покибиточной подати, она сочла целесообразным сохранить за ними эту обязанность. По мнению членов Степной комиссии, передавать функции по сбору налогов с казахского населения российским органам власти — уездным и областным правлениям — было нецелесообразно. Для этого потребовалось бы расширить штат чиновников, что в условиях жесточайшей нехватки профессиональных управленцев в регионе было фактически невозможно. Кроме этого, вряд ли удалось бы избежать произвола при сборе налогов со стороны российских чиновников [8, с. 368].

Поэтому была предложена новая схема сбора покибиточного налога. Ответственность за его поступление и точность поданных данных о числе кибиток в волости сохранилась за волостными правителям. Они обязаны были один раз в три года сообщать уездным начальникам численность налогоплательщиков

¹ О совокупности данных проблем подробно писал в свое время Е. Бекмаханов. См., например: Бекмаханов Е. Казахстан в 20–40 е гг. XIX в. Алма-Ата, 1947. 389 с.

² Оренбургская и Сибирская пограничные комиссии — государственные ведомства, созданные для управления казахами Младшего и Среднего жузов. Функционировали на протяжении первой половины XIX в.

в волости. При этом уездные начальники обязывались проверять эти данные. В случае «утайки точного числа кибиток» волостной правитель подвергался штрафу в «размере двойной цифры утаенной кибиточной подати».

Во-вторых, при разработке проекта налоговой реформы члены Степной комиссии принимали во внимание факт глубокой имущественной дифференциации казахского общества. Поэтому были признаны целесообразными дифференцированные выплаты покибиточной подати в соответствии с экономическим положением каждой кибитки. Важно отметить, что государство сохранило за собой лишь право устанавливать размер кибиточной подати. Волостной правитель, с учетом общего количества кибиток в каждом ауле, устанавливал сумму налога, которую необходимо было собрать. Исходя из того, что «размеры состояния в аулах у отдельных личностей могут быть известны только самим киргизам», и чтобы «размеры подати разлагались действительно пропорционально состояниям» право раскладки подати на отдельные кибитки было предоставлено самому казахскому народу [8, с. 368].

Утвержденные в 1867–1868 гг. Временные положения об управлении Оренбургским, Западно-Сибирским и Туркестанским генерал-губернаторствами закрепили все рекомендации в сфере налогообложения кочевого населения региона, предложенные Степной комиссией. Таким образом, как отмечал в отчете о ревизии Туркестанского края в 1882 г. тайный советник Гирс: «Вследствие этих мер правительство благо разумно устранило себя от сбора податей и передало право сбора, со всеми вытекающими отсюда неудобствами, самим же киргизам. Контроль над общецифрою, следующей к поступлению от каждой волости, будучи довольно действительным, не требовал вмешательства администрации в чуждую нам жизнь киргизов. Ни один из прямых правительственных органов не становился при взимании кибиточного сбора в положение, которое бы могло компроментировать русскую власть. Бедные киргизы, несшие до сих пор наибольшую тяжесть от уплаты податей, получили законное право принудить богатых своих соотечественников платить пропорционально их состояниям» [8, с. 368–369].

В последующие после принятия Временных положений 1867–1868 гг. десятилетия в системе налогообложения казахского населения размер налога не оставался неизменным. Составлявший первоначально 1,5 руб. в Степном крае, решением Государственного совета в 1886 г. размер кибиточной подати был увеличен до четырех рублей. Это постановление было закреплено в Положении об управлении Степным краем 1891 г. [9, с. 249–250]. В Туркестане увеличение кибиточного налога с 2,75 до 4 руб. произошло на несколько лет раньше в 1882 г. При этом централь-

ные органы власти были убеждены, что его увеличение не соответствовало темпам экономического роста и благосостояния казахского населения. В частности, приводились данные о том, что проектируемая Степной комиссией в 60-е гг. XIX в. сумма налога с одной кибитки определялась стоимостью одного барана — 2,25 руб. В 80-е гг. этого столетия стоимость одного барана варьировала в Туркестане от 6 до 9 руб. Таким образом, «относительный размер кибиточной подати», по мнению чиновников, «почти не увеличился и даже, без обременения, мог быть повышен более 4 руб.» [8, с. 374].

Для обеспечения бесперебойного поступления налога региональные органы власти вплоть до 1917 г. проводили его сбор с учетом благосостояния кибитковладельцев. Например, в Акмолинской области сбор покибиточной подати варьировал от 0,5 до 200 руб. с кибитки в зависимости от степени благосостояния кибитковладельца [10, с. 14]. Во всеподданнейшем отчете военного губернатора Тургайской области генерал-лейтенанта Барабаша за 1898 г. была представлена сводная таблица данных о сумме налоговых выплат казахского населения области в зависимости от его благосостояния. Приведем ниже эти данные [11, с. 4].

Таблица 1

Обложено податями соответственно благосостояния, %

Освобождено от всяких платежей по бедности	до 1 руб.	до 2 руб.	до 3 руб.	от 3 до 5 руб.	от 5 до 8 руб.	от 8 до 15 руб.	от 15 до 25 руб.	от 25 до 100 руб.	Свыше 100 руб.
5,87	0,94	6,2	10,9	23,3	29,97	16,37	4,4	2,02	0,03

Наряду с кибиточной податью казахское население с 1860-х гг. обязывалось выплачивать земские сборы и повинности. Так, например, казахи Туркестанского края в 80-е гг. XIX в. платили 1,25 руб. на земские потребности, 1,25 руб. на содержание служащих местной администрации — аульных и волостных правителей, 0,5 руб. на содержание «училищ и другие нужды». Таким образом, общая сумма выплат кочевого населения региона составляла 7 руб. с кибитки в год.

Натуральные повинности казахов сводились к исправлению арычных мостов, спусков и подъемов на почтовых трактах. При этом они могли быть как натуральными, так и в виде денежных выплат. Кроме этого, в мирное время по требованию властей кочевники обязывались предоставлять перевозочные средства «в случае экстренной надобности». Однако региональные органы власти в лице генерал-губернаторов имел право вводить дополнительные земские сборы с населения вверенных им административно-территориальных единиц. К примеру, туркестанский генерал-губернатор Кауфман в 1869 г. установил особый денежный сбор с населения «под наименованием сбора на улучшение путей сообщения и других расходов, имеющих характер земских». Новый сбор составил 0,75 руб. с населения Сыр-Дарьинской и 0,25 руб. Семиреченской областей [8, с. 393].

Несмотря на казалось бы налаженную систему сбора налогов, к 80–90-м гг. XIX в. стало очевидно, что государственная политика государства невмешательства в раскладку и сбор налогов в казахской степи не оправдывала себя. Как сообщали уездные начальники, раскладка суммы между отдельными кибитковладельцами производилась не на сходах аульчан, а в нарушение закона аульными старшинами самолично. «При этом сплошь и рядом см, — даже в тех случа-

ях, когда раскладка производилась в действительности сходами, — письменных приговоров или иных постановлений о раскладке не составлялось, и назначенные с отдельных кибитковладельцев оклады подати оставались совершенно неизвестными для них, открывая широкое поле для злоупотреблений аульных старшин при сборе податей». В случаях, когда раскладки все-таки фиксировали документально, «оснований раскладки в них почти никогда не указывалось, и они сводили к простому перечню имен и фамилий кибитковладельцев, с указанием против каждого причитающихся с него по раскладке сумм государственной подати, земского и общественного сборов и общего итога их». В этих обстоятельствах совершались нарушения волостными и аульными правителями при распределении окладов, «к явной выгоде богатых и влиятельных членов общества и в ущерб менее состоятельной части плательщиков» [12, с. 18].

Поэтому региональные власти вынуждены были обратиться к решению данной проблемы прежде всего аульным и волостным старшинам, было предписано вносить в раскладочные ведомости в виде таблиц сведения об имущественном положении: количестве скота, посеянного хлеба, а также дополнительные сведения о других видах деятельности кибитковладельца: рыболовстве, торговле, извозе и т. д. Кроме этого, необходимо было указывать теперь и состав семьи, что бы определять ее «потребности».

В Туркестанском крае уездной администрации в 1898 г. было предписано присутствовать на аульных сходах во время раскладки подати, «дабы... лично удостовериться, действительно ли раскладка производиться сходом». Аульных старшин обязали фиксировать решения схода о раскладках в нескольких экземплярах, один из которых предоставлять уездной

администрации, второй — податному инспектору. Во избежание злоупотреблений аульных старшин во время собственно сбора подати их обяжали выдать кибитковладельцам «квитанции из особых книг» с указанием суммы полученного налога [12, с. 22–23].

В условиях неграмотности большинства казахского кочевого населения предпринимались попытки реформирования и системы податного счетоводства. Это делалось для того, чтобы избежать приписок аульными правителями не соответствующих действительности показателей в квитанции об оплате налога, которые получали кибитковладельцы. В Туркестанском крае, например, в 1903 г. на съезде податных инспекторов обсуждалась новая система податного счетоводства, основанная на наглядном изображении денежных знаков, но не вместо письменного текста, «а сверх написания его на обыкновенных квитанциях и талонах, посредством особых цветных марок, разного достоинства». В 1908 г. к идее вернулись вновь, но и к 1910 г. проблема эта осталась неразрешенной, и «податное счетоводство продолжало находиться в крайне неудовлетворительном состоянии» [12, с. 27].

Особо отметим, что в системе налогообложения, созданной в казахской степи, фискальной единицей определялась хозяйственная и одновременно социальная единица — кибитка-семья. Кроме этого, кочевники были освобождены от платы за пользование земельными ресурсами, объявленными собственностью государства в 1867–1868 гг. — пастбища были переданы им в безвозмездное пользование. Данное обстоятельство значительно отличало «казахскую модель» сбора налогов от той, которая была распространена на крестьянское податное население Российской империи, выплачивавшее государству подушный налог и налог земельный в виде барщины или оброка.

Как известно, подушная подать была введена в царствование Петра I для финансового обеспечения создаваемой им регулярной армии и первоначально составила 0,8 руб. с «души». В годы царствования Павла I подушный налог для крестьян был увеличен до 1,26 руб., а при Александре I — до 3,3 руб. с души. При Николае I по указу 9 ноября 1839 г. он был переложен на серебро и составил 0,95 руб. серебром на душу. Во второй половине XIX в. происходило многократное повышение подушного налога, объяснявшееся населению «затруднительным положением государственного казначейства». Его размер колебался в зависимости от региона империи 2,17 руб. до 2,61 руб. [13]. Исходя из того, что среднестатистическая крестьянская семья России XIX в. состояла из 7–8 человек, простой математический расчет определяет сумму ее подушного налога в среднем в 15,2–20,8 руб.

При характеристике налоговой политики Российской империи в отношении казахского населения советская и современная казахстанская исто-

риография упоминают о так называемом паспортном сборе и ремонтной пошлине. При этом данные налоги рассматриваются как стремление «царского правительства получить дополнительную прибыль» с кочевников, что, как нам представляется, несколько искаженно интерпретирует их природу. Следует иметь, прежде всего, в виду, то, что ни паспортный, ни ремонтный сбор не являлись обязательными налогами на имущество и доход населения степи в пользу российской казны. Они представляли собой денежную компенсацию, выплачиваемую за оказание услуг государственным или иным структурам, что являлось повсеместно распространенной юридической практикой государств нового времени.

Введение на территории Российской империи паспортного сбора относится к началу XIX в. и связано со стремлением государства поставить под контроль движение населения, внутренние и внешние миграции. Положение 1812 г. о паспортах детально регламентировало процедуру получения документа, удостоверяющего личность граждан империи, и процесс его перемещения со своего постоянного места жительства в другие регионы. Установление Временными положениями 1867–1868 гг. паспортного сбора для казахского населения свидетельствовало о начавшейся глубокой трансформации социальной структуры и всей системы социальных отношений кочевников. Причиной выступал ряд причин и, прежде всего, начавшаяся экспроприация Россией у казахов огромных земельных ресурсов. Данный процесс сопровождался массовым обезземеливанием и разорением скотоводов. Большая их часть была вынуждена мигрировать в приграничные со степью районы Южного Зауралья и Южной Сибири, формируя новую социальную категорию джатаков-отходников, и наниматься в работники к казакам, крестьянам или на промыслы и промышленные предприятия края.

Постановка на паспортный учет была необходима и даже целесообразна с точки зрения изменения социального статуса казахов-джатаков. Получив документ, удостоверяющий личность, они автоматически исключались из списков налогоплательщиков своего аула и переставали платить кибиточный сбор. Кроме этого, паспорт был необходим в том случае, если казахи активно включались в товарно-денежные отношения или собирались совершить хадж к мусульманским святыням, расположенным за рубежом. Государственный паспортный сбор взимался собственно для изготовления этого документа и составлял в Степном крае, как и по всей империи, 0,5 руб.

Таким образом, подчеркнем, что этот вид налога не являлся обязательным для всего казахского населения, а выплачивался добровольно в случае необходимости покинуть постоянное местное жительства и гарантировал беспрепятственное перемещение по территории империи и за ее пределами. Нельзя

в связи с этим не согласиться с Л. М. Дамешек, который отмечал, что «Введение паспортной системы находилось в полном соответствии с общим правительственным курсом в отношении народов Сибири в этот период, основным содержанием которого являлась ликвидация сословной обособленности «инородцев», приравнивание их к русским крестьянам. В экономическом плане новая мера была связана с развитием капитализма, сопровождавшимся значительным ростом наемного труда. Этот процесс охватил значительную часть коренного населения сибирских губерний, для которого работа по найму становилась основным источником существования» [14, с. 236].

Появление ремонтной пошлыны напрямую было связано проблемой использования земельных ресурсов долины Иртыша. Продвижение Российской империи в южно-сибирском направлении и разгром Китаем Джунгарского ханства в середине XVIII в. активизировали миграцию русского крестьянства и казахов Среднего жуза в прииртышские степи. Взаимная заинтересованность двух этносов в этих территориях, пригодных как для занятия земледелием, так и для пастьбы скота делала их конкурентами в вопросе землепользования. Отсутствие правового механизма, регламентировавшего этот процесс, выступало главным фактором межэтнической напряженности в регионе.

В создавшейся ситуации командующий Сибирской пограничной линией генерал-поручик И. И. Шпрингер в 1765 г. издал указ, направленный на формирование своего рода буферной зоны между казахскими кочевьями и землями, занятыми русским казачьим и крестьянским населением по руслу Иртыша. В рамках этого указа русскому населению запрещалось занимать территории по правобережью реки в «40 верстах внутрь линии укреплений», а коменданту Омской крепости рекомендовалось не подпускать казахов к Иртышу «ближе десяти, а, по крайней мере, пяти верст» [15, л. 7]. Позднее эта инструкция была распространена на всю Иртышскую

линию и, таким образом, были заложены основы «десятиверстной полосы».

В районе десятиверстной полосы, протянувшейся от Звериноголовской на западе до Бухтарминской крепостей на востоке, был создан военный режим пограничного контроля. Переходить Иртыш можно было только с разрешения командующего Сибирской военной линией [16, с. 3]. Однако миграции казахов в район десятиверстной полосы не прекращались, увеличивалось число просьб со стороны родоправителей и султанов о пропуске их на линию. В результате в 1788 г. правительство официально разрешило кочевникам переходить через Иртышскую пограничную полосу на правобережье для постоянной кочевки. Десять лет спустя указ был подтвержден вновь.

Перекочевавшие на правую сторону Иртыша казахи первоначально освобождались от налоговых выплат. С начала XIX в. было принято решение об их пропуске в район линии на условиях выплаты так называемой ремонтной пошлыны. Она собиралась в натуральном эквиваленте: за сто голов переходящих в пределы десятиверстной полосы кочевник был обязан заплатить одну голову. Таким образом, она соответствовала натуральному налогу, который был установлен позднее для казахов Среднего жуза Уставом о сибирских киргизах в 1822 г. В 1808 г. выплата ремонтной пошлыны была передана в фонд Сибирского казачьего войска, доходы войска от нее стали использоваться на укомплектование конского состава сибирского казачества. С 1819 г. натуральный налог со скота был заменен денежным. Его размер определялся в зависимости от возраста и вида скота: оплата производилась отдельно за лошадей, крупный рогатый и мелкий рогатый скот.

Размер полученной ремонтной пошлыны с казахов, пропущенных через карантин Верхнего Прииртышья осенью-зимой 1834–1835 гг., позволяют представить данные таблицы 2 [17].

Таблица 2

Размер ремонтной пошлыны в 1834–1835 гг.

Показатель	Семиарский карантин	Долонской карантин	Песчанский карантин	Коряковский карантин	Всего
Количество лошадей, голов	628	492	1311	6371	8802
Размер налога за лошадей, руб.	623,25	291,75, натурой 3 головы	736,5, натурой 12 головы	1010,75, натурой 54 головы	2666,25, натурой 69 голов
Количество крупного рогатого скота, голов	765	414	1819	6056	9054
Размер налога за крупный рогатый скот, руб.	381,6	193,5	407,7, натурой 8 голов	702,6, натурой 43 головы	1685,4, натурой 51 голова
Количество мелкого рогатого скота, голов	3519	1644	5533	14311	25007
Размер налога за мелкий рогатый скот, руб.	219,9, натурой 31 голова	10,2, натурой 24 головы	33,3, натурой 5 2 головы	57,1, натурой 138 голов	320,5 натурой 245 голов

Дальнейшая история ремонтной пошлыны связана с Положением о Сибирском казачьем войске, утвержденном в июле 1877 г. Закон официально санкционировал отвод из земель Сибирского казачьего войска юртовых наделов казакам в общинное пользование. В этом же году указ «О наделении генералов, штаб-офицеров и классных чиновников Сибирского казачьего войска наследственными земельными участками» предоставил юридические основания для передачи данной категории наделов в «потомственную собственность». Таким образом, все земельные ресурсы Сибирского казачьего войска стали делиться на три категории: офицерские, юртовые и войсковые.

Положение 1877 г. санкционировало отвод юртовых и офицерских участков в районе десятиверстного пространства и предоставило их владельцам право сдавать их в аренду как русским крестьянам-переселенцам, так и казакам-кочевникам. Введение арендных отношений в системе землепользования привело к постепенному сокращению размеров ремонтной пошлыны, выплачиваемой казаками за пользование собственно войсковой территорией. Так, в 1871 г. ее сбор составлял 12721 руб., в 1876 г. — 8255 руб., а в 1879–5761 руб. Поэтому в 1880 г., по ходатайству генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова, ремонтная пошлына была официально заменена арендной платой за пользование войсковыми землями «взимаемой безразлично со всех арендаторов как киргиз, так и не киргиз, мещан, купцов, казаков, крестьян и всякого рода разночинцев» [16, с. 17].

Таким образом, ремонтная пошлына не являлась для казахов дополнительным налогом в пользу государства и выплачивалась в фонд Сибирского казачьего войска. Не идеализируя казахско-русские отношения в районе десятиверстной полосы и не отрицая факт поэтапного изъятия левобережья Иртыша в пользу казачества, отметим, что данный вид выплат объективно способствовал развитию диалога двух этносов, включению некоторой части казахского общества в систему капиталистических форм эксплуатации земельных ресурсов и ее интеграции в социально-экономическую структуру Российской империи.

Всего к началу XX в. арендаторами трех категорий земельных участков Сибирского казачьего войска являлось около 70 тыс. казахов. Из них около 27,5 тыс. проживало на юртовых казачьих наделах, 5,5 тыс. работало в качестве батраков в поселках. Еще 30 тыс. кочевников занимали офицерские участки, причем до 24 тыс. — в районе десятиверстной полосы. Остальные

7–9 тыс. кочевали на войсковой территории, в том числе 5 тыс. — на левобережье Иртыша в районе десятиверстной полосы. Проведенное в начале XX в. известным историком сибирского казачества Г.Е. Катаневым подворное экономическое обследование казахов, арендующих земли в районе десятиверстной полосы показало, что общий размер их государственных, земских, общественных повинностей и аренды ими десятиверстной полосы составляли в среднем 9,65 руб. с кибитки в год. Повинности казачьей семьи в этот же период равнялись в среднем 62 руб. в год [15, л. 33об.–34]. По данным Степного генерал-губернатора, государственные подати и земские сборы русских крестьян региона составляли не менее 78 руб. в год [18, с. 8].

Таким образом, с полным основанием можно говорить о достаточно либеральной по своему характеру налоговой политике России в отношении казахского населения. Государство, безусловно, рассматривало созданную систему налогообложения как механизм интеграции населения региона в общеимперское социально-экономическое пространство. Практическая его реализация была направлена на получение «бонусов доверия» от казахского населения имперской власти и «умиротворение степи». В результате здесь была создана модель фискальной политики, при которой у кочевников общая сумма налоговых вычетов оказалась наименьшей по сравнению с русским крестьянским населением, к которому они приравнивались в социальном плане.

Эволюция взглядов центральных и региональных органов управления на налоговую систему Казахстана довольно четко определилась на рубеже XIX–XX вв., когда первоочередной задачей была провозглашена рационализация экономической деятельности и увеличение доходности национально-колониальных окраин империи. Поэтому на региональном уровне были предприняты шаги по установлению контроля со стороны фискальных органов за процедурой распределения и сбора налогов с казахского населения. Но даже и в этом случае речь не шла об их повышении. В целом налоговый пресс оставался не очень сильным: по расчетам ревизии К.К. Палена, в Туркестане на одного кочевника (не кибитки) в год приходилось всех налогов в среднем 1,61 руб. [19, с. 139]. Безусловно, незначительные суммы налогов и избавление кочевников от арендной платы за пользование земельными ресурсами региона, заметно снижали давление на их хозяйства и в целом способствовали определенному росту благосостояния.

Библиографический список

1. Асфендияров С.Д. История Казахстана. — Алматы, 1993.

2. Бекмаханов Е. Казахстан в 20–40 гг. XIX в. — Алма-Ата, 1947.

3. Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX в. — Алма-Ата, 1964.
4. Отепова Г.Е. Законодательные акты Российской империи о системе налогообложения в Казахстане в XVIII–XIX в. // Отан тарихы. — 2008. — №2.
5. Садвокасова З.Т. Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (вторая половина XIX — начало XX вв.). — Алматы, 2005.
6. Центральный государственный архив Республики Казахстан. — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 2810.
7. Полное собрание законов Российской империи. Издание второе. — 1836. — Т. 6. №4584.
8. Отчет ревизующего по высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. — СПб., 1883.
9. Материалы по введению русской политической системы управления в Казахстане. Док. №17. — Алматы, 1999.
10. Всеподданнейший отчет по Акмолинской области за 1887 г. — СПб., 1888.
11. Всеподданнейший отчет военного губернатора Тургайской области за 1898 г. — СПб., 1999.
12. Отчет по ревизии Туркестанского края графом К.К. Паленом. Налоги и пошлины. Органы финансового управления. — СПб., 1910.
13. Ключевский В. Подушная подать и отмена холопства в России // Русская мысль. — 1886.
14. Дамешек Л.М. Проблемы интеграции коренных народов Сибири в имперскую систему России XVIII — начала XX в. // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII–XX вв. : сборник материалов конференции. — Новосибирск, 2003.
15. Исторический архив Омской области (ИАОО). — Ф. 67. — Оп. 2. — Д. 2363.
16. Катанаев Г.Е. «Киргизский вопрос» в Сибирском казачьем войске. — Омск, 1904.
17. ИАОО. — Ф. 67. — Оп. 1. — Д. 303, 304.
18. Отчет о Киргизской миссии за 1899 г. // Омские епархиальные ведомости. — 1900. — №17. — 1 сент.
19. Центральная Азия в составе Российской империи. — М., 2008.